Е.Г. Дранова

СРЕДА ОБИТАНИЯ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК ОСНОВА АДАПТАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДОВ АРКТИКИ

Статья посвящена проблеме адаптации человека из средней полосы к условиям Арктики. Обозначена необходимость рассмотрения системы жизнеобеспечения ненцев как примера «идеальной» модели жизнедеятельности. Гармоничная предметно-пространственная среда, мир вещей, рассмотрена как основной показатель «успешной» адаптации.

The article discusses the issue of adaptation strangers from the midland under Arctic conditions. The author denotes the necessity of considering nenets' life support system as an ideal example of life-sustaining model. Harmonic objective-spatial environment and the material world are considered as a main aspect of successful adaptation.

Ключевые слова: арктические условия, адаптация, система жизнеобеспечения, ненцы, предметно-пространственная среда, предметный мир.

Keywords: arctic conditions, adaptation, life support system, nenets, objective-spatial environment, material world.

Для человека из средней полосы территория Арктики — стресс по определению. С первых минут пребывания организм оказывается в напряженной ситуации. Воздействие «северных» факторов подчас оказывается непрогнозируемым. Многочисленный опыт показывает сложности достижения гармонии во взаимоотношениях приезжего и среды.

На сегодняшний день пример эффективной адаптации к условиям Севера представляют его коренные жители. Суть их культуры выразилась в образе жизни, гармоничной и органичной связи с окружающей средой. Образ жизни коренного жителя Севера (особенно кочевника) снял все противоречия между человеком и условиями региона. Другими словами, был достигнут некий компромисс, баланс или своего рода «примирение» между крайне агрессивной по своей сути природой и человеком. В результате возникли новые взаимоотношения, при которых отрицательные свойства среды стали положительно воздействовать на человека. Более того, они создали такую среду для комфортного существования на данной территории, что сегодня она является для них «идеальной». Так, например, «чум приносит кочующим северным жителям большую пользу и весьма хорошо защищает их от частых дождей в весеннее и летнее, и от сильных метелей в осеннее и зимнее время, так что все предложения, сделанные на счет улучшения устройства этих жилищ, как например введение употребления в них окон и труб, никогда не будут иметь применение, тем более, что сам Самоед, взросший в суровом климате, так сроднился со стужей и ураганами, что лучше сносит самый сильный мороз, чем комнатную теплоту…» [3].

Однако адаптация коренных жителей к территории Арктики складывалась долгие годы методом проб и ошибок. Задача «выживания» и комфортного пребывания на данной территории ставила определенные задачи, как, например, отмечает В.А.Ислави́н, «народ, самою природою обреченный скитаться по диким пустыням Севера, по необходимости должен был избрать себе и род жилища, соответствующий бродячей жизни и соединяющий в себе два главных условия: предохранять от стужи и непогод и быть удобнопереносимым» [3].

В данной статье ставится задача рассмотреть сложившуюся систему жизнеобеспечения ненцев, которая включает в себя условно выделенные уровни: духовный, ментальный, материальный. Главным объектом внимания выступает материальный уровень: предметно-пространственная среда, гармонично и естественно сформировавшаяся. Ее же мы можем считать наглядным результатом или следствием «успешной» адаптации. Важно определить смыслообразование

Табл. XI. Предметы культа. Из коллекций МАЭ.

Рисунок 1

объектов, ключевые взаимосвязи предметно-пространственной среды с человеком, с природными условиями. На этом уровне мы рассматриваем предметную среду как в виде отдельных объектов, так и с точки зрения их организации. Принципы выявляются с целью дальнейшего создания предметно-пространственной среды, несущей адаптационную функцию для человека из средней полосы. Представляется возможным синтезирование знаний и опыта ненецкой культуры с новейшими технологиями.

Систему жизнеобеспечения ненцев можно рассматривать с разных позиций: с одной стороны, как равенство человека, среды, предметного мира, мира духов и т.д. «Природу вообще никто не венчает, а раз у нее нет венца, то нет и вообще никакой иерархии — все в мире основано на абсолютном равенстве: человек уравнен со всеми естественными и сверхъестественными существами» [8]; с другой стороны, как строгую упорядоченность: «Примером чему и служит мир духов, начиная от всеобщих до местных, домашних и личных» [8], система правил поведения, мир вещей.

Итак, для рассмотрения одного из возможных видений системы жизнеобеспечения ненцев обратимся к разделению на духовный, ментальный и материальный уровни. К духовному уровню в данном случае можно отнести мифологическую составляющую как форму

сознания ненцев. Миф — это первая форма духовного освоения мира, его образно-символическое воспроизведение и объяснение. Миф упорядочивает в сознании мир, превращает хаос в космос и тем самым создает возможность постижения мира как некоего организованного целого, представляет его в простой и доступной форме [6].

На ментальном уровне рассматривается система правил, норм и законов, господствующих в тундре (в семье, для единичного человека), что обусловлено как раз мифологическим сознанием. «Ментальность (от лат. mens — ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) — глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом. Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [5]. Ментальный уровень можно назвать системой мыслеформ. Как процесс, мыслеформа есть материализация нематериального [9].

Определенные правила поведения и деятельность человека при этом неразрывно связаны с появлением мира вещей, с взаимодействием, с отношением к ним, что относится к материальному уровню.

Важно обратиться к работе В.В.Рябцевой «Развитие мифологических представлений о душе в культуре народов Севера», где выявляются различные функции мифа в жизни человека. Так, например, социально-практическая функция отвечает за «организацию целостности и единства коллектива через самоидентификацию индивида с социальной общностью, с государством, с природой, с тотемом, с историческими событиями, ради осознания себя частью единого живого организма» [8].

Идеолого-практическая функция обеспечивает сохранность традиций, уклада, соблюдение ритуала, легитимность существующей системы власти, поддержание социального порядка. Реализация функции предполагает почти идеологическое воздействие на

общественное сознание. Это воздействие происходит с помощью веры в духов, которые занимают значительное место в жизни угров — с момента рождения до перехода в потусторонний мир.

Следующая важная функция — познавательная (объяснительная, когнитивная, этиологическая). Познавательный характер имеет всякая форма освоения мира. Эмоционально-образная насыщенность мифологии исключения не составляет. Вообще-то собственно осознанное рефлективное отношение к действительности, понимание познавательного характера осуществляемого действия относятся уже к периоду отмирания мифологического сознания. Но предпосылки, интуитивный спонтанный опыт уже присутствуют в сознании архаичного человека. Представления о душе формировались в результате личного самоосмысления, в первую очередь себя, своего тела, хотя и спонтанного. Затем, сравнивая себя с другими, и, наконец, перенося свои признаки на окружающий мир, человек приписал ему антропоморфные свойства. В этом случае, миф — это не столько познание, сколько освоение окружающей природы, переживание мира как субъекта. Это порождает множество мифов и связанных с ними духовно-практических действий (обрядов, ритуалов). Миф, в данном случае, связывает факты в систему и предсказывает новые факты той же природы. Миф постулирует особый вид причинности: целевой, отвечающий на вопрос — для чего, ради какой цели совершается тот или иной процесс, согласно которому идеально постулируемая цель, конечный результат, оказывает объективное воздействие на ход процесса. Происходит антропоморфизация природных процессов, приписывание цели природе, перенос на нее способности к целеполаганию, которая в действительности присуща лишь человеческой деятельности. Свои способности проецируются на окружающую действительность, на отдельные объекты природы и на мир в целом. И уже на этой «когнитивной» основе задаются цели и задачи, определяются смыслы, планируется жизнедеятельность, что позволяет говорить о мировоззренческой функции.

Мифологическое мировоззрение основано не на теоретических доводах и рассуждениях, а на чувственном восприятии, на художественно-эмоциональном переживании мира.

Следующая функция — аксеологическая, реализация которой предполагает формирование шкалы ценностных ориентаций, определяющих отношение человека к природе и другим людям. В целях охраны природы и целесообразного использования ее богатств появились твердые правила в жизни людей, выработаны нормы поведения, ряд запретов, которые для всех были обязательны, то есть можно говорить о нормативной функции. Нормы, заданные в мифе, определяли весь жизненный уклад человека. Создавались определенные правила поведения в природе, семье.

Не умея объяснить многие явления природы, человек устанавливал прямую связь между нарушениями запретов и карой, следующей затем как наказание, в виде болезней и стихийных действий. Запретов в жизни тундры, которые должны выполнять беспрекословно взрослые и дети, выработано немало. Легко убеждают каждого такие высказывания: «не кидай камнями или комьями земли, снега в реку, озеро, водоем — ты ослепишь жителя подводного мира, и сам ослепнешь»; «не втыкай в землю железные предметы, остроконечные копья без надобности: боль земли — это боль сердца». Ценностное содержание мифа определяет систему обучения и воспитания, усвоение обычаев и знание законов общежития. Это означает, что можно говорить и о социализирующей функции мифа, когда происходит адаптация, приспособление личности к социальной среде. Это «приспособление» предполагает зарождение общественного (национального) сознания и самосознания и принятия его основ человеком.

Помимо практической значимости мифа, можно выделить еще и эстетическую. О своем жилище-чуме, прочность которого проверили в поединке с натисками природы и который стоит уже много веков, как крепость, ненцы так говорят: «Вы я ниня (ерня) тетам хунингота я сохораха» («Чум, в котором с четырех сторон поставлено по четыре стержневых шеста, во время бурь и метелей стоит посреди просторной тундры, как огромная сопка, неподвижно»). Таким образом, мифология может быть представлена и как особый способ эстетического отношения к миру.

Как известно, в северной культуре одушевлялась не только природа, но и предметы быта.

Миф определяет взаимоотношения человека и природы. Мы бы назвали эту функцию экологической: Это можно ярко продемонстрировать на примере священных мест. По представлениям коренных народов, земля — живая, а каждый холм, сопка, река имеют своего хозяина — духа.

Из дерева строится то, что составляет жизненный мир собственно человека, что отделяет человека от голой земли — дом, нарты, лыжи, посуда. Подобное почтительное отношение к дереву объяснимо для жителей лесной зоны. Таким образом, в равной мере ценится жизнь человека и жизнь дерева, как, впрочем, и любого другого объекта природы. Поэтому ничего нельзя нарушать, нельзя брать больше, чем тебе нужно. Весь мир проникнут общим законом бытия, и человек здесь не волен самовольно распоряжаться и брать богатства. И конечно, нельзя не упомянуть, что миф и ритуал, регулируя такие отношения, утверждая их необходимость, позволяют человеку жить в равновесии с природой и самим собой.

Таким образом, мифология исполняет важнейшие функции, адаптирующие человека к природе, обществу, культуре и способствующие выживанию в суровых северных условиях: выступает определяющим способом социализации людей, утверждает право на жизнь каждого живого существа и примиряет человека с суровыми природно-климатическими условиями; значительным образом определяет общественную психологию, задавая образцы и нормы человеческого поведения, ценностные ориентации, а также структуру освоения природы человеком, миропонимания, мировидения и мироощущения; задает формы коммуникации [8].

Рассмотрев функции мифов в ненецкой культуре, очевидна неразрывная взаимосвязь духовного и ментального уровня, при этом уже на этих уровнях прослеживаются способы адаптации человека к экстремальным условиям. Чувственное восприятие и художественно-эмоциональное переживание мира интуитивно определяет место человека, его взаимоотношения с природой и с предметным миром. Духовные и ментальные процессы формируют на материальном уровне предметную среду. Это формирование можно соотнести с творческим процессом, так как именно в творческом подходе человек

«принимает среду и при этом старается активно изменять ее условия, приспосабливая их к себе и обретая необходимый физический и психологический комфорт» [4]. Творчество — человеческая жизненная миссия, вытекающая из самой природы: «великий дар природы», «великое таинство»; родовая, сущностная характеристика человека; жизнь или жизненная сила («креативные крылья»), превосходящая адаптивные реакции; возможность максимального проявления человеческих способностей («вочеловечивания») и восстановления личностной целостности, способ навести порядок в случайности природы, свойство живой и неживой природы, человека и общества, необходимое условие развития материи и образования новых ее форм [7].

Исходя из социокультурной классификации видов творчества, деятельность ненцев можно отнести к художественному и техническому творчеству. Художественное творчество связано с фантазийно-образным и эстетическим освоением действительности, это форма духовной деятельности человека по созданию ценностей в сфере искусства, неотъемлемая часть художественной культуры. К объектам художественного творчества ненцев можно отнести табакерки, пороховницы, рукоятки ножей, трубки для курения, огниво, пуговицы, пряжки для ремней, колотушки для выбивания снега, очки для защиты от солнца, детали для оленьей упряжки. В эту же группу входит деревянная монументальная скульптура. Она представляет собой культовые антропоморфные фигуры высотой 2,5 метра, устанавливаемые на открытых пространствах тундры.

Для одного из примеров, несущих адаптационную функцию, можно рассмотреть домашних хэхэ, в которых наглядно прослеживаются взаимосвязи духовного, ментального и материального уровня. Для этого необходимо остановиться на значении ненецкого слова хэхэ (в западных тундрах хэ, в старой литературе — хэг, хэги). Это слово имело у ненцев довольно широкое значение. Им обозначали и святые скалы, и небольшие камни, отколотые от скал или просто имеющие причудливую форму, и антропоморфные и зооморфные изображения из дерева или металла, хранившиеся обычно в чуме или в специальной нарте хэхэ хан. В сочетании с некоторыми другими

именами слово хэхэ можно условно переводить как «святой», «священный»: хэхэ’ мя’ — «церковь» (досл. «священный чум», а возможно, «чум хэхэ»), хэхэ’ ту — «молния» (досл. «священный огонь»), хэхэ’ сарё — «гроза» (досл. «священный дождь») и т.д. Как мы видели, словом хэхэ обозначали как предметы природы, так и изображения, сделанные руками человека. Можно предполагать, что термин хэхэ являлся общим для предметов культа у ненцев. По некоторым сведениям, им называли также духов, воплотившихся (или вместившихся) в эти предметы. Однако среди хэхэ можно выделить определенные группы, связанные с жилищем и данной семьей, находящиеся на урочищах и т.д.

Домашние хэхэ (мяд’ хэхэ) представляли собой или камни небольшого размера, или изображения из дерева антропоморфного или зооморфного характера (табл. XI). Антропоморфные изображения и камни (если позволяла их форма) одевали в меховую или суконную одежду ненецкого покроя. В зависимости от функции этих изображений одежда была мужской или женской. Часто на одну фигурку надевали по нескольку одежд одна на другую. Каждую новую одежду шили в благодарность за оказанную «помощь» [10].

Вторая группа — техническое творчество — вид творчества, нацеленный на изобретение, проектирование и конструирование механизмов, конструкций, сооружений для практического обеспечения жизнедеятельности людей. Для него характерны опора на наглядно-образный и наглядно-действенный компоненты мышления; рациональность и утилитарность; перевод научных достижений в область практического (технологического) преобразования реальной действительности; опора на достигнутый уровень технического прогресса. К объектам технического творчества ненецкой культуры относятся одежда, чум, нарты, лыжи, лодки. Подробнее остановимся на чуме.

«Несмотря на простоту своего устройства: конус из жердей, укрытый сшитыми из полотен бересты (летом) или оленьих шкур (зимой) нюков, тундровый чум является своего рода достижением кочевой жизни» [2].

Жерди для каркаса чума изготавливаются из стволов ели длиной

около 5 м (бывают до 7–8 м). Все шесты в нижней части заостряются. От числа шестов зависят размеры чума — чем больше шестов, тем вместительнее чум. Для покрытия чума нюки сшиваются в сплошные полотнища, они сшиты нитками из оленьих сухожилий. Диаметр чума достигает 5–8 метров, он может вместить до двадцати человек. Стенки чума находятся под крутым углом, что позволяет не задерживаться снегу, также он функционален при ветре, метели и морозе. Чум довольно быстро собирается и разбирается, что важно во время перекочевок с короткими остановками, также данное качество конструкции обеспечивает мобильность жилища.

Характер архитектурного объема

Архитектурный объем имеет замкнутый характер, чум воспринимается целостным и устойчивым. Конструкция конусообразна и симметрична (центральная осевая симметрия). Внешний образ конструкции органично вписывается в окружающую среду за счет использования натуральных материалов, однако, считается, что «всё прямое создается человеком». «То, что создано природой, всегда округло, и расположение людей в природе приобретает тот же рисунок: чумы на стойбище ставят не в линию, а полукругом; загон для оленей сооруженный из нарт и загороженный веревкой, тоже образует полукруг» [2].

Внутреннее пространство

Каждый предмет и каждое место внутри с древности имеет свое назначение. Центральной осью чума служит шест, который ненцы считают священным и называют симзы. С давних времен на нем принято было помещать семь личин или голов семейных или родовых духов. В чуме шамана симзы обязательно украшался изображением священной птицы минлей. По симзы дым очага поднимается к верхнему отверстию чума. Согласно легендам, по священному шесту герои улетали на битвы и военные подвиги.

За симзы размещается священное пространство си. На него могут ступать только старшие мужчины. Для женщин и детей это место запретное. Здесь обычно находится священный ларь. В нем

хранятся духи-покровители очага, семьи, рода и местности. Здесь же часто содержатся все семейные сбережения и реликвии, а также оружие и ларь с инструментами. Всё это вещи главы дома, они неприкосновенны для остальных членов семьи.

Напротив си, у входа, находится нё – место женщины. Здесь она занимается домашними работами: шьет, чинит одежду и обувь, вытягивает нитки из оленьих жил и сухожилий, здесь она готовит пищу, накрывает стол.

Посередине, между си и нё, находится спальное место. В изголовье обычно кладется пояс с амулетами и ножом.

Летом спальное место отгораживается пологом из ситца. Полог используют только ночью, днем же его аккуратно сворачивают в рулон и закрепляют под подушками. Рядом с родителями лежат маленькие дети. Дальше от симзы укладывались неженатые старшие сыновья, еще дальше — старики и другие члены семьи или гости.

Кроме мужской и женской части чума и спального места есть еще особое место для женских вещей, оно находится по обеим сторонам от входа. Там хранят одежду, обувь и вещи хозяйки. Существует и нежилая часть чума — пелей.

Вместе со своими владельцами чум часто перемещается с места на место, поэтому в нем нет ни кроватей, ни шкафов. Из мебели существуют только ларь и маленький столик — только то, что легко перевозить.

Также в чуме используют меховые мешки, сумки и подушки. Их стараются украсить ремешками, цветными тесемками, медными бляхами.

На сегодняшний день существуют передвижные электростанции, однако раньше для освещения чума применялись светильники. Они делались из чаш и наполнялись рыбьим или оленьим жиром, в который погружался фитиль. Позднее появились керосиновые лампы. У входа чум находится так называемая «колотушка» для отряхивания снега с обуви и подола верхней одежды.

Если в чуме есть маленькие дети, то обязательно есть и люлька. Раньше младенца помещали в люльку сразу после рождения, а вынимали только тогда, когда он начинал ходить. На дно люльки

насыпали древесную стружку и сухой мох. Пеленками служили шкурки оленя, песца и собаки. Ребенок прикреплялся к люльке специальными ремешками. При кормлении грудью мать брала ребенка вместе с люлькой. Такие люльки используют и сегодня. Люлька, как и любой другой предмет в чуме, красиво оформлялся и воспринимался как произведение искусства.

Размеры чума могут варьироваться в зависимости от количества проживающих в нем человек. Средняя высота чума примерно два метра, а диаметр составляет около четырех метров. Данные размеры соотносятся с человеческими пропорциями, что позволяет находиться в чуме в полный рост. Однако в основном человек находится в вертикальном положении при установке и разборке жилища, основные процессы организации быта происходят сидя.

«Форма конуса способствует оптимальному распределению тепла, наилучшему распространению дыма и быстрой стабилизации тяги. В момент разжигания очага дым заполняет все внутреннее пространство, весь объем жилища равномерно. Спустя нескол ько минут, когда устанавливается прогретый воздушный столб, соединяющий источник тепла и макодаси — своеобразная «труба», тогда дым устремляется вверх. Но поднимается он не по вертикали, а по наклонной, вдоль стенок чума. Причем с каждым метром дым уплотняется и, достигнув определенной высоты (чуть выше человеческого роста), так и повисает на этом уровне до тех пор, пока горит очаг.

Подобным образом ведут себя и тепловые потоки. Дойдя до макодаси, они образуют зону повышенного давления. Она служит своеобразной запирающей “пробкой” и не позволяет холодному воздуху с улицы прорваться в чум. Летом ее не могут преодолеть комары, гнус. “Пробка” препятствует образованию сквозняков. Даже когда очаг остывает, перепад температуры наружного воздуха и внутреннего сохраняется» [1].

Движение внутри и вокруг чума носит строго заданный характер. Перемещение зависит от половых признаков, родовых, и сложившихся культурных обычаев, которые формулируют свои «правила жизни». Характер движения также зависит от распределения обязанностей,

так, например, в распоряжении женщины находится очаг. Только женщина может прикасаться к очажным шестам и к очажному крюку. Она разговаривает с пламенем, высказывает пророчества по треску дров, дыму, силе и цвету пламени. Все пространство нё — прихожая чума — находится под ее покровительством. Мужчина или же мальчик не должен прикасаться к посуде. По мифам ненцев, от звона посуды вся дичь пугается и убегает.

Мужчина при входе в чум обивает снег с обуви и одежды так называемой «колотушкой», снимает верхнюю одежду (совик) и оставляет ее на нартах. Войдя в помещение, мужчина надевает домашние кисы и домашнюю малицу или женскую ягушку.

Гостей-мужчин укладывают на ночевку от середины чума к симзы. Гостей — женщин, наоборот, размещают от середины к выходу. Место, которое занимает гость, зависит от уважения к нему.

Пространство вокруг чума тоже строго распределено. Сегодня народы Ямала используют для передвижения нарты, снегоходы, машины и т.д. Раньше, когда основным транспортом были нарты, перед входом в чум обычно находились женские нарты. За священным шестом чума симзы снаружи ненцы ставили священные нарты — хэхэ' хан. Чум с задней стороны подпирался грузовой нартой. Это делалось для того, чтобы нюки, уложенные в определенном порядке, не разворачивало и не срывало ветром. Зимние вещи оставляли на грузовых нартах прямо в тундре. При ловле оленей из таких нарт образовывали загон.

«В чуме нет окон. Свет проникает через дымник пространство в верхней части сооружения, не закрытое покрышкой». Отверстие в верхней части чума соответствует местоположению солнца днем и месяца ночью. «Дымник многофункционален. Помимо его основного предназначения — выводить дым и пропускать дневной свет, он также выполняет роль солнечных часов, работающих, естественно, исключительно в солнечные дни. По двигающемуся лучу солнца и освещающему в разные периоды дня конкретные жерди остова люди условно определяли время суток» [1].

Итак, ненецкий чум создает образ «элемента природы». Его форма органично вписывается в окружающую среду, а точнее,

«рождается» из нее. Во внешней форме это выражается в конструкции и материалах. Все элементы чума — заимствованные природные ресурсы, поэтому визуально, он отражает их свойства и выступает как их часть. Также образ жилища ненцев выявляет взаимосвязь не только окружающей среды и формы чума, но и определяет место человека в этой системе. Его внешнее и внутренне пространство являются неотъемлемой жизнью кочевника. Формообразование ненецкого чума полностью зависит, в первую очередь, от функции, исходящей из специфики жизнедеятельности человека. Даже особое внимание к предметному наполнению, которое наглядно представлено в мифическом аспекте культуры ненцев, обосновывается функциональным назначением и, следовательно, влияет на образ жилища в целом.

Особенности мировоззрения ненцев, их отношение к природе, к материалам обуславливают гармонию всей предметно-пространственной среды. В их жизни имеет место только самое «необходимое и достаточное». Предметная среда является ключевым показателем успешного приспособления к территории Арктики. На ее примере мы видим неразрывные связи взаимодействия духовного и ментального уровня, что объясняет процесс ее естественного «рождения». Человек же, наделенный мифологическим сознанием, находится в таких отношениях с природой, какие были бы очень желательны для всего современного общества.

Библиография:

1. *Гарин Н.П.* Дизайн для крайнего севера (принцип преемствования культуры коренного населения): дис. … канд. иск. / Гарин Николай Петрович. — М., 1991. — 174 с.

2. *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [текст] / А.В.Головнев. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 607 с.

3. *Ислявин В.А.* Самоеды в домашнем и общественном быту / В.А.Ислявин. — СПб.: тип. М-ва гос. имуществ, 1847.

4. *Лыкова И.А.* Творческий стиль освоения среды в период

адаптации / И.А.Лыкова, Е.Д.Файзуллаева // Управление дошкольным образовательным учреждением. — 2014. — № 3. — С. 817.

5. Новая философская энциклопедия. ИФ РАН / под редакцией В.С.Стёпина. — М.: Мысль, 2000. — С. 525.

6. *Пархоменко И.Т., Радугин А.А*. Культурология в вопросах и ответах. — М.: Центр, 2001.

7. *Пономарев Я.А*. Психика и интуиция. — М., 1967.

8. *Рябцева В.В*. Развитие мифологических представлений о душе в культуре народов Севера: дис. …канд. фил. наук. Тюм. гос. Университет. — Тюмень, 2011.

9. *Сурков Д.В*. Телесность, ментальность и духовность как базовые категории мышления и место мистического опыта в мышлении / Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2011. — № 3 (98). — С. 92–95.

10. *Хомич Л.В*. Ненцы: историко-этнографические очерки / Л.В.Хомич. — М.-Л.: Наука, 1966.